

ИНОАФИША

София Лорен,
агрессивная и уязвимая
примадонна

Тьерри КЛИФА

В отличие от многих звезд-мифов, София Лорен до сих пор остается актрисой, активно снимающейся по обе стороны океана. Летом на экраны Европы вышел новый фильм французского постановщика Роже Анена "Солнце". В полуавтобиографическом фильме Анена, рассказывающем о его детстве в Алжире, Лорен сыграла мать юного героя. "ЭС" перепечатывает интервью, которое актриса дала французскому журналу Studio Magazine в связи с выходом этого фильма.

смотреть, иначе разговаривать.
— В 1953 году вы согласились сняться обнаженной до пояса в фильме "Две ночи с Клеопатрой". Это было провокацией?

— О, нет! Эту сцену снимали для французской версии, и я согласилась на нее только при одном условии: ее никогда не покажут в Италии. Мне пришлось согласиться на эту сцену, потому что режиссер пригрозил снять меня с роли. Я ничего не сказала матери. Она никогда не видела французской версии. Она не узнала об этом до конца своих дней.

— Год спустя вы снялись в своем первом по-настоящему звездном фильме "Золото Неаполя".

— Это была моя первая встреча с Витторио Де Сикой. Я нервничала, потому что была никем, а в фильме снималась такая знаменитость, как Сильвана Мангано. Карло Понти, который в то время еще не был моим мужем, успокаивал меня и говорил, что по выходе фильма я буду более знаменитой, чем Сильвана. К счастью, у нас не было совместных сцен, иначе бы я не смогла сниматься — слишком боялась.

— Смогли бы вы сделать карьеру без Карло Понти?

— Не уверена. Я познакомилась с ним в 1952 году, но долго не была уверена, что это навсегда. Но, конечно же, это была главная встреча в моей жизни. Благодаря ему я познакомилась с Де Сикой, а он был первым режиссером, кто в меня поверил. Мне было 20 лет, и мы с Карло чувствовали себя сообщниками в великом деле. Главное в жизни — окружить себя любящими людьми, которые в тебя верят. У меня это было, и я сражалась, не опасаясь за тылы. Но и сегодня я не могла бы работать без этой любви.

— После того, как вы перехватили у Джини Лоллобриджи роль в фильме "Хлеб, любовь и — да будет так!", стали говорить о вашем соперничестве.

— Это смешно. Наше соперничество было изобретено бульварной прессой.

Джина начала сниматься в 1947 году, когда я была никем. Они писали, что якобы мы с Джини соревнуемся в объеме груди! Но клянусь, мы никогда не хотели этой глупой войны бюстов, и в нашей профессиональной жизни шли совершенно разными путями.

— Что вы чувствовали, зная, что о вас мечтают миллионы мужчин?

— Я старалась об этом не думать. Или, по крайней мере, относиться к этому с юмором.

— Вступив в сожительство с женой на другой женщине Карло Понти, вы бросили вызов общественной морали.

— Я никогда не думала о своем имидже. Я работала, мне нравилось то, что я делала, я чувствовала себя свободной и счастливой и не предвидела последствий, которые могло повлечь мое поведение. Люди на улицах всегда были добры ко мне. Я не сознавала, что происходит вокруг меня, но мне было хорошо. Когда я спрашивала мать, правильно ли то, что я делаю, она отвечала: "Это продлится еще год-два и кончится". За год до ее смерти я получила "Оскар" за достижения в кинокарьере, и она мне сказала: "Вот видишь, это продолжается. Какое счастье!" Она была счастлива получить свой второй "Оскар".

— В конце 50-х годов вы снимались в Испании в своем первом американском фильме "Гордость и страсть" с Кэри Грантом.

— До сих пор помню первый прием, организованный в нашу честь. Кэри побаивался итальянок, потому что ему сказали, что они чересчур страстные. Я же, впервые попав на такой прием, чувствовала себя чрезвычайно агрессивно. Но в конце вечеринки мы нашли общий язык и начали разговаривать. Потом я познакомилась с Фрэнком Синатрой, который все время повторял "Я тебя люблю". Поначалу я смущалась, потом узнала, что в Америке все говорят друг другу "я тебя люблю", не придавая особого значения этим словам.

— Даже Джон Уэйн?

— С Уэйном я снималась только раз. Он был совсем не похож на остальных голливудцев — такой солидный, основательный, очень похожий на тех ковбоев, которых он играл. Со мной Уэйн обращался, как с маленькой девочкой. "Готова, детка? Тогда поехали!"

— Вы не спрашивали у Гранта и Уэйна советов, как вести себя в Голливуде?

— Нет. Я слишком боялась попасть в просак, поэтому ничего ни у кого не просила. Голливуд всегда меня отпугивал. Во время первой вечеринки я заметила даму без лифчика, у которой все прелести буквально вываливались наружу. Это была Джейн Мэнсфилд. Когда репортеры захотели ее сфотографировать, она сделала неуловимый жест, и одна грудь вывалилась из корсета. Мамочки, я такого никогда не видела!

— Тем не менее вы снимались во многих шекотливых сценах — например, в эпизоде стриптиза в фильме "Вчера, сегодня, завтра".

— Но это же совершенно иначе! Это не эротическая, а юмористическая сцена. Мы знали, что без нее фильм получится не таким, каким задумывался, и когда Витторио попросил Марчелло выть волком при каждой сброшенной детали туалета, я поняла, что зрители будут кататься от смеха.

— Каково вам было играть пародию на эту сцену в "Готовом платье"?

— Когда я раздевалась перед Марчелло в 1994 году, то вспоминала все самые прекрасные моменты моей карьеры. Это была наша последняя встреча на экране. Мне было очень приятно оказаться в компании Марчелло, хотя мы мало разговаривали. Мы в основном смотрели друг на друга, и... Марчелло уже тогда не очень хорошо себя чувствовал, мы говорили глазами. Его называли моим эксклюзивным партнером, но почему-то забывали, что в 1954 году, когда мы встретились, он был уже знаменит, а меня никто не знал. Поэтому он был безмятежен, а я агрессивна. Вот так и получилась идеальная кинопарочка.

— Вы ни разу не снимались ни у Висконти, ни у Феллини, ни у Антониони...

— Я едва не снялась у Висконти. У него был потрясающий сюжет для меня, очень эмоциональный и жестокий. Я никогда не встречалась с Антониони. А Феллини... я не была героиней его романа. Я была слишком земной и реальной, а он нуждался в женщинах-мечтах. В его руках бы превратилась в самопародию. Конечно, у нас были идеи поработать вместе. У него была история, которая называлась "Путешествие с Анитой", но потом она растворилась в одном из его фильмов.

— В "Леви Л." вы согласились постареть на экране.

— Почему я не могла играть постаревшую женщину, если того требовал сюжет? Мне было несколько не страшно, а вот Полу Ньюмену, моему партнеру, приходилось постоянно носить с собой огромный носовой платок, чтобы вытирать лицо и руки, так он стеснялся в моем присутствии. Не понимаю, почему — ведь он был красив, как бог!

— В 1966 году вы удостоились привилегии быть приглашенной Чарли Чаплином в фильме "Графиня из Гонконга", где встретились с самым красивым и самым знаменитым актером из той когорты — Марлоном Брандо. Какие воспоминания остались у вас от этой встречи?

— Это было как волшебная сказка. Чаплин говорил, что ему очень понравился фильм "Вчера, сегодня, завтра". Он был очень мил, но ничего не говорил ни о себе, ни о своей карьере. Шарло уже тогда был далеко. А контакта с Брандо я так и не нашла. Он постоянно опаздывал на съемки, однажды Чаплин даже пригрозил выгнать его с площадки. После этого он стал приходить вовремя. Должна сказать, что в комедии он не был так гениален, как в драмах Казана.

— С рождением детей вы стали сниматься меньше.

— Да, пришлось сбавить темп. Нужно уметь выбирать. Сниматься мало, но в хороших фильмах.

— Что, по-вашему, сказала бы София Шиколоне из Неаполя, узнав, кем стала София Лорен?

— Она бы гордилась, была бы очень счастлива... но та София никогда бы не поверила, что такое возможно.

РИМ

Звезды на полосах

— Вам трудно было играть реальную женщину, и к тому же мать режиссера?

— Внешне я совершенно не похожа на мать Анена, но он решил, что я могу хорошо ее сыграть, ухватить ее манеры, повадки, агрессивность. Он сказал, что я очень близка ей по характеру. Конечно, играть мать — одна из сложнейших задач для актрисы, потому что мать может обладать в глазах сына тысячу лиц. Перед съемками каждой сцены я долго обдумывала, как мне придать достоверность ее облику. Мне приходилось отдавать ей свою душу — иначе она не могла стать моей героиней! Но мне пришлось далеко уйти от шумных неаполитанок, которых я играла в начале своей карьеры. Пришлось искать в себе робость и застенчивость, которые внешне прикрываются агрессией.

— В этой женщине чувствуется родство с вами — она также не опускает руки ни перед какими трудностями, даже в самых экстремальных ситуациях.

— В трагические моменты жизни женщина всегда сражается. Если она видит, что тонет ребенок, бросается в воду, даже не умея плавать... Многие считают меня карьеристкой, крутой женщиной, но на самом деле я очень хрупка, чувствительна и терпима.

— Очевидно, чтобы вырваться из бедности, без агрессивности не обойтись.

— Агрессивность была фасадом, точнее — оружием. Вначале мне нечего было предъявить миру, кроме агрессивности. Мать поддерживала меня, учила понимать то, чего я не понимала. Благодаря ей научилась не доверять людям, обещающим воздушные замки, и когда я начинала сниматься в кино, мне это очень пригодилось.

— Ваша мать была очарована кино или своей дочерью?

— Наверное, сочетанием "дочь и кино". В молодости она выиграла вояж в Голливуд, потому что она была итальянкой, наиболее похожей на Грету Гарбо. Моя бабушка, которая очень боялась расстаться с дочерью, запретила ей уезжать. На самом деле мама была гораздо красивее Гарбо и гораздо моложе. Она была концертмейстером, профессионально играла на фортепиано, у нее был прекрасный голос. Мама могла сделать прекрасную карьеру, но, приехав в Рим, она по настоянию бабушки пошла работать, потом вышла замуж, отец нас вскоре бросил, и на этом все мечты закончились.

— Вам не кажется, что все свои мечты она реализовала в вас?

— Да. Должна вам признаться: настоящая София Лорен — это она. Когда я выиграла "Оскар", мама говорила "мы выиграли "Оскар". И так во всем. "Мы снимаемся в фильме. У нас большой успех." Мне очень ее не хватает сегодня.

— Вы вспоминаете дни, проведенные перед студией Cinecitta, когда вы надеялись попасть хотя бы в массовку?

— Конечно. Как ни странно, это был праздник. Даже если шел дождь, для меня светило солнце. Мне было 15 лет, у меня начиналась новая жизнь, все было новое, все было красивое и я мечтала о великих свершениях.

— Когда кино впервые вошло в вашу жизнь?

— В детстве я обожала фильмы Риты Хэйуорт. Очень любила Бетти Дэвис. Я постоянно торчала в кино, обожала мечтать о киногероях, но в те годы мне и в голову не приходило, что я могу войти в этот мир.

— А став девушкой из массовки, вы поняли, что кино достижимее, чем кажется на первый взгляд?

— Нет. Каждый раз, попав в массовку, я спрашивала себя, сколько же лет потребуется для того, чтобы камера хоть раз остановилась на моем лице. Честно говоря, я в то время вообще не понимала, что делаю. Но потом я начала учиться, познакомилась с людьми. Мне стали давать маленькие роли со словами. Потом мое имя появилось в афишах — маленькими буквами, крупнее, еще крупнее. Я была счастлива, мне хотелось радоваться жизни, а дома были сплошные неприятности, отец не хотел давать нам с сестрой свою фамилию.

— Когда вы почувствовали, что судьба ваша круто изменилась?

— Это невозможно почувствовать, но можно увидеть на лицах окружающих. Люди начинают иначе на тебя